

MARINA ELEPOVA
NATALIYA BELOSHITSKAYA

ШЕЙМАС ХИНИ И ИОСИФ БРОДСКИЙ. МЕТАФИЗИКА СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Целью настоящего исследования является выявление сути опосредованного мировоззренческого конфликта, столкновения метафизических позиций двух поэтов Шеймаса Хини и Иосифа Бродского с помощью реконструкции биографического, автобиографического и культурно-исторического контекста творческого общения лириков, осмысления их воззрений, сформулированных в многочисленных эссе, интервью, беседах, на основе целостного анализа стихотворения Хини на смерть Бродского «Оденское».

В статье используются культурно-исторический и биографический методы, с помощью которых были определены онтологические доминанты миропонимания Хини и Бродского и их истоки. Применение компаративистского и интертекстуального методов способствовало выявлению дантовских реминисценций и аллюзий к древнешумерскому эпосу в эпитафии Хини «Оденское». Анализ этого стихотворения потребовал также обращения к историко-функциональному и лингвостилистическому методам.

МАРИНА ЮРЬЕВНА ЕЛЕПОВА, доктор филологических наук – Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова; адрес для почтовых отправлений: САФУ им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск 163002; e-mail: mu.elepova@narfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>.

MARINA ELEPOVA, Doctor in philology – Northern (Arctic) Federal University; correspondence address: NArFU, Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk; 163002; e-mail: mu.elepova@narfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7229-5851>.

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА БЕЛОШИЦКАЯ, кандидат филологических наук – Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова; адрес для почтовых отправлений: САФУ им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск 163002; e-mail: n.beloshickay@narfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>.

NATALIYA BELOSHITSKAYA, Doctor in linguistics – Northern (Arctic) Federal University; correspondence address: NArFU, Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk; 163002; e-mail: n.beloshickay@narfu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0899-1828>.

В 1970-е гг. завязалась многолетняя дружба и творческое взаимодействие двух поэтов-нобелевских лауреатов, стяжавших мировую славу, Иосифа Бродского и Шеймаса Хини. После смерти Бродского ирландский поэт восторженно вспоминает о нем в эссе «Pesneslagatel'» (1996):

слова были для него высокооктановым горючим, и он любил, чтобы они заносили его как можно дальше. (...)

Он горел не тем твердым драгоценным пламенем, которое Уолтер Патер считал идеалом, но иным – полыхающим, ревущим, изменчивым, непредсказуемым — и пыльным, и страшным. (Khini [Heaney], «Pesneslagatel'» 166-167, 170).

Кончине Бродского Хини посвятил замечательное стихотворение «Оденское» (1996). Хини так рассказывает об истории создания этого произведения:

Когда Иосиф умер, журнал *Нью-Йоркер* заказал мне текст о нем, прозаический, конечно. Я написал пару абзацев, и меня совершенно заклинило. А потом я вдруг услышал это «тум-тудум-тудум-тудум, тум-тудум-тудум-тудум». Этим размером Бродский написал стихи на смерть Элиота — отчасти потому, что любимый им У. Х. Оден таким же размером написал стихи на смерть Йейтса, — наверное, потому, что Йейтс часто использовал этот размер в своих стихах, хотя и получил его, вероятнее всего, от Блейка — помните: «Tiger, tiger, burning bright...». Я тогда бросил недописанные два абзаца прозы и сочинил это стихотворение. (Khini [Heaney], «Brodskij napominal dikoe zhivotnoye»)

В 2003 г. Хини читал свой реквием Бродскому, написанный траурно-торжественным размером Одена, в квартире его родителей в Петербурге: «Мы стояли кружком, пили водку и закусывали ее кексом. Я прочитал стихотворение *Оденское*, которое посвятил памяти Бродского. Волнующий, трогательный, щемящий, незабываемый миг!» (Polukhina, «Interv'y» 368).

Вместе с тем при всей душевной и творческой близости Хини и Бродского, есть некоторые расхождения в глубинных основаниях духовного мира поэтов. Бродский вырос в атеистической среде, что определило впоследствии размытость метафизической позиции поэта. Ольга Седакова размышляет о своеобразной религиозности поэта:

Он религиозно не безразличный и христиански не безразличный поэт. Но если говорить о христианстве как об исповедничестве и взять образцом Данте или позднего Джона Донна, то это совсем другое. При всех усложнениях и уточнениях я не представляю христианство без Христа. (Polukhina, «Interv'y» 66).

Хини с детских лет воспитывался в строго католическом духе. В одном из интервью на вопрос о полученном им воспитании поэт ответил:

Совершенно католическое, сплошные трансцендентные истины от начала и до конца. Потом пришлось немало потрудиться, чтобы освободиться от этого, выйти в мир. И всю последующую жизнь видеть, как духовные ценности исподволь возвращаются в мою жизнь» (Khini [Heaney], «Brodskiy byl pokhozhd»)

Ответ Хини свидетельствует о долгом и сложном духовном пути отхода от детской веры и обретения ее на ином уровне внутреннего развития, когда открывалась бездонная глубина тех самых известных с детства «трансцендентных истин».

Хини живет и в окружении агиографических образов (стихотворение «Святой Франциск и птицы» (1966), образ св. Кевина Глендалохского в нобелевской речи).

И именно сокровенные таинства веры в семантическом противоречии с внешним планом жизни определили смысловую и художественную двуплановость стихотворения Хини «Оденское». В этой эпитафии траурный чеканный ритм сначала набирает силу, напряжение углубляется в первых четырех катренах, исполненных безутешной скорби. Ощущение смерти как ледящего душу холода вызывает чувство безнадежности. Слово «grief» (горе) повторяется дважды. В третьем четверостишии ритм похоронного стихотворения Одена отмеряет ритм самого grief и как бы открывает коридор смертей поэтов – Йейтса, Одена, Бродского. В четвертой строфе grief повелевает оборвать мелодичный хорей.

Скорбный ритм спотыкается о смертную стену и обрывается многоточием, уводящим в великую бездну. С пятой строфы начинает настойчиво звучать мотив физического и метафизического холода. Мотив неизбывного страдания от утраты в 5 строфе обозначается с помощью медицинского латинского термина «rigor mortis», означающего во врачебной практике «трупное окоченение». Окоченение тела друга отзывается смертным окоченением сердца оплакивающего его поэта, холод усугубляется, не только внутреннее пространство души, но и внешнее пространство аэропорта также «locked in frost» (сковано морозом).

В следующем четверостишии натуралистическое «rigor» и климатическое «frost» дематериализуются и лишаются всяких земных измерений, переходят в духовную плоскость. Нет ничего на земле, что могло победить холод смерти:

Ice no axe or book will break,
 No Horatian ode unlock,
 No poetic foot imprint,
 Quatrain shift or couplet dint (...). (Heaney, *Electric Light* 78)

Анафорическая организация седьмой строфы обуславливает эмоциональную и смысловую градацию, усиление ощущения трагизма, который обретает метафизический масштаб. В первой строке упоминается «Ice of Archangelic strength» (Heaney, *Electric Light* 78), что отсылает нас к конкретному периоду жизни и творчества Бродского: его пребыванию в северной ссылке в Архангельской области. От образа северного льда автор в последней строфе четверостишия возводит мысль к неопишуемому холоду ада в *Божественной комедии* Данте.

В смерти взгляд поэта усматривает явление высшего божественного порядка. Она выводит человека в пространство иного мира и воздаяния, которое так живо и страшно представлено в первой части *Божественной комедии* – «Ад»:

Ice like Dante's in deep hell
 Makes your heart a frozen well. (Heaney, *Electric Light* 78).

Хини был знатоком этого произведения безмерной смысловой наполненности, делал переводы из Данте, написал эссе *Данте и современный поэт* (1985), словом, жил в поле притяжения *Божественной комедии*. И причина этого мощного притяжения, смеем думать, заключается не только в художественной силе *Божественной комедии*, но в ее метафизической мощи.

Христианские взгляды, впитанные с детства, наполняющие подспудно европейскую поэтическую культуру, рано или поздно напомнят о себе. Интересны в этом смысле высказывания Хини в беседах с Деннисом О'Дрисколом, собранные в книге *Stepping Stones*. Размышляя о поэзии Йейтса, Хини утверждает:

Поэзия удовлетворяет нашему стремлению к трансцендентному. Можно перестать верить в загробную жизнь, в посмертный суд и окончательное отделение добрых от злых в долине Иосафата, но намного труднее потерять ощущение предустановленного порядка за всей этой земной суматохой. Поэзия – проявление нашей нужды в высшем апелляционном суде.¹ (Dennis O'Driscoll 470)

Итак, генетические религиозные связи не разорваны до конца. Ибо понимание поэзии как способа восхождения в мистическую сферу, а также

¹ Здесь и далее переводы из книги *Stepping Stones* Геннадия Кружкова.

ощущение предустановленного на земле порядка и необходимости высшего суда над всеми людьми есть не что иное, как принятие религиозных постулатов, хотя они оформлены в виде эстетических понятий.

О’Дрискол задает Хини вопрос о самом главном страхе рода человеческого – страхе смерти:

– Можно ли сказать, что вы не боитесь смерти?

– Во всяком случае, – отвечает Хини, – не так, как шестьдесят лет назад, когда я больше всего боялся умереть не очищенным от смертных грехов и потом мучиться за это целую вечность. Вообще это не столько страх, сколько печаль – печаль расставания со всем, что любил на земле, и с теми, кого любил. (Dennis O’Driscoll 472)

Очевидно, что поэт далек в своих помыслах о смерти от стремления к покаянию, веры в загробное воздание. Однако понимание смерти как разлуки логически не согласуется с восприятием смерти как исчезновения всего человека в небытии, его ухода в ничто. Напротив, восприятие кончины человека как расставания с близкими характерно именно для христианства, и притом расставания временного, до встречи в вечности.

Хини неотделим от истоков своего традиционного мировидения, эти родники пробиваются сквозь толщу житейских, философских, эстетических и прочих наслоений. Как в недрах знаменитого ирландского торфа мумифицировались тела древних людей, так в пучине поэтической души Хини сохранилось ядро живого христианства. И сам поэт свидетельствует о неиссякаемом источнике, пронизывающем его жизнь и поэзию: «...в продолжение всего моего пути духовные ценности просачивались и в творчество, и в общее осознание жизни» (Shevelev).

Несмотря на секуляризацию сознания, католик Хини возводит свою мысль к дантовскому аду, который наполнен картинами ледяной муки. Необоримая вьюга терзает сладострастников, чревоугодники страждут под вечным ледяным дождем, тяжелым градом и снегом, обманувшие доверившихся вмерзают в ледяное озеро. В 9 круге также изображены всевозможные предатели, заключенные в лед, и сам Люцифер ушел «телом в льдину» (Alig’yeri 220). Люциферовское начало больше связано в книге Данте с холодом и льдом, а не с огнем и пеклом. По-видимому, само понятие духовной смерти как окончательного отхода от Бога и вражды против Него ассоциируется с ледяной бездной.

Интертекстуальные связи темы Севера и холода с дантовским адом в стихотворении Хини позволяют ставить о вопрос о посмертной участи, о том,

что настанет после смерти тела – вопрос абсолютно табуированный в атеистическом и индифферентном сознании. Ответ на этот вопрос не звучит, однако безмолвно реет в траурном марше Хини.

Вернемся к движению поэтической мысли в реквиеме Хини. Поднявшись до высшей метафизической вершины (или, если угодно, опустившись до низшей метафизической точки – все-таки дно ада!), автор стихотворения внезапно в 8 строфе переходит в диаметрально противоположную плоскость – сферу житейских отношений и творческого общения двух поэтов, полного игры и юмора. Хини вспоминает, как «repper vodka», которую принес Бродский, «warmed my spirits and my heart». От замерзшего сердца в предыдущем четверостишии поэт переходит к воспоминанию о сердце, согретом дружеским вниманием и заботой. 9 строфа – снова вздох о безжизненности друга, а все последующие наполнены, как старая кинолента, отдельными кадрами прошлой жизни: искрометными шутками, остротами-каламбурами, воспоминаниями о выпивке и курении, стихотворных импровизациях и проч. Словом, ничего такого, что выходило бы за рамки земного человеческого бытия.

Однако на фоне бесконечных словесных турниров и игр вдруг проступает еще один важнейший метафизический узел: вопрос о поэтическом слове и отношении к нему. Предпоследняя строфа как будто бы подводит итог всем этим блестящим словесным баталиям, чтению стихов и «speed-read»:

Worshipped language can't undo
Damage time has done to you:
Even your peremptory trust
In words alone here bites the dust. (Heaney, *Electric Light* 80)

Автор вновь переходит в иной эмоциональный регистр: от фейерверка сверкающих искр он как будто падает с высоты в ледяную пропасть. Абсолютная вера Бродского в язык, поклонение кумиру поэтического слова оказались напрасными перед лицом смерти.

Бродский неоднократно высказывался о языке как первооснове всего сущего: «Если Бог для меня и существует, то это именно язык» (Birkerts 22), «Язык - это важнее, чем Бог, важнее, чем природа ...» (Epeľbuen 33). Р.Р. Измайлов справедливо выявляет особенности отношения Бродского к языку: «И. Бродский в своём мире декларирует замещение Бога языком. (...) Итак, для И. Бродского не Бог, а язык становится онтологической, аксиологической и сотериологической основой бытия» (Izmaylov 103, 116).

Хини прекрасно знал об идеях своего друга в области «обожествления» языка. Однако сам он как человек здоровых крестьянских корней и народного здравого смысла, а также твердого католического закваса, не мог уверовать в слово как в новоявленного кумира, наделяемого черты божественного абсолюта. И в самой поэзии он видит путь к трансцендентному, а не само воплощение трансцендентности, проявление жажды сверхчувственного, а не божественную истину. Поэтому предпоследняя строфа звучит с такой горькой иронией и неявным упреком в адрес покойного друга, глубину заблуждения которого высветила его же собственная смерть.

И завершается эпитафия вновь метафизическим аккордом:

Dust-cakes, still- see Gilgamesh –
 Feed the dead. So be their guest.
 Do again what Auden said
 Good poets do: bite, break their bread. (Heaney, *Electric Light* 80)

Исполинская тень дантовского ада седьмой строфы трансформируется в царство мертвых шумерских мифов, изображенное в древнем аккадском *Эпосе о Гильгамеше*. Начало скитаний этого персонажа связано со страшным горем, которое обрушилось на него: смерть лучшего друга Энкиду. Потрясенный утратой Гильгамеш убегает в пустыню, где предается ужасной скорби, тоскует и причитает. Хини, испытавший после кончины Бродского состояние, по его словам, «эмоционального шока», в стихотворении стонет и оплакивает своего друга, подобно безутешному Гильгамешу.

Смерть Энкиду открывает перед Гильгамешем страшную истину неизбежности конца земной жизни для каждого человека. Он с метафизическим ужасом осознает себя смертным и бранным. Кончина друга заставляет царя отправиться в страну мертвых в поисках вечной жизни. Как отмечает А. Лео Оппенхейм, основным мотивом эпоса является «стремление к бессмертию» (Oppenkheym 76).

Перед смертью Энкиду видит вещий сон, в котором некий человек, уводит его в царство мертвых, Иркаллу, в «Дом праха»:

В дом, где живущие лишаются света,
 Где их пища – прах и еда их – глина,
 А одеты, как птицы, одеждою крыльев,
 И света не видят, но во тьме обитают,
 А засовы и двери покрыты пылью! (*Epos o Gilgameshe* 51)

Вот те самые «dust-cakes», о которых вспоминает Хини в финале стихотворения. Последняя строфа опять замыкается на образе ада – теперь уже

шумерского. Отсылка к шумерскому эпосу придает эпитафии новую трансцендентную глубину, вновь открывая ее пред читателем и перед самим адресатом, уже являющимся онтологически сущностным в некоем ином измерении, в сфере потустороннего.

Как только от осознания смерти друга автор переходит к пониманию конца человеческого бытия как акта не поддающегося рациональному разумению, он обращается к образной символике эпоса о поиске бессмертия. И адресат стихотворения предстает как герой шумерского сказания, обитающий в таинственном царстве мертвых, где его ожидают «dust-cakes», при этом первая часть слова – «*dust*» (прах) перекликается с последним словом предыдущего четверостишия: «*bites the dust*».

Вера во всемогущество языка, обожествление слова – «*bites the dust*», и еда мертвых – «*dust*» ожидает умершего друга в мире ином. «*Dust*» – удел умерших: и тело превращается в «*dust*», и если все земное – и материальное и духовное – в свете смерти есть не что иное как «*dust*», то автор-христианин, желая или не желая, ибо истинная поэзия всегда несет в себе великий заряд бессознательного и архетипического, открывает перспективу бессмертия и вечности. Интересно, что автор обращается к адресату, дважды называя его по имени. Само обращение к покойному как к живому означает не что иное, как отрицание смерти как абсолютной конечности бытия.

Оплакивая друга в калейдоскопе быстро сменяющихся эпизодов их творческого и товарищеского общения, Хини в то же время как будто бы дискутирует с ним, перешедшим за таинственную черту смерти, о высших смыслах. Как будто бы адресату стихотворения теперь виднее, чему или кому можно придать атрибуты божественного. И тот упрек, который срывается из-под пера поэта в предпоследней строфе о несостоятельности его веры в слово, имеет, несомненно, глубочайший метафизический подтекст, который по существу дела разверзает пропасть между двумя поэтами. Дантовские аллюзии в сочетании с реминисценциями из шумерского эпоса позволяют определенно утверждать принципиально иное понимание Хини трансцендентного пути человека в мире, чем воззрения Бродского, для которого за смертью следовали лишь безмолвие, вакуум, пустота.

Что для Хини подспудно источник духовного созерцания, а не только эстетического любования, то для Бродского источник литературной игры и художественной образности. Почти во всех интервью ему задавали вопрос о его, так сказать, конфессиональной принадлежности, и он никогда не признавал себя даже исповедующим определенно какую-либо религию: «Я не то чтобы религиозен, вовсе нет. К счастью или к несчастью, я не знаю. Не думаю, что я принадлежу к какому-то вероучению» (Berch 13).

Он, правда, признается в расположении к христианству в плане культуры: «Я христианин, потому что я не варвар» (Gramm 8). Но при этом Бродский то подчеркивает свою симпатию к Ветхому Завету, то утверждает, что его гораздо больше привлекает индуизм, то заявляет, что он кальвинист, однако сам же и указывает на полную условность подобных заявлений. Христианство, как ни странно, Бродский воспринимает, как он не раз высказывался, по преимуществу как систему торга: «Как в продуктовой лавке — платишь столько-то, получаешь столько-то» (Bethea 117), а Страшный суд, по его мнению, ограничивает свободу в вере.

Бродский, по его собственным словам, не убежден ни в чем, он не принимает полностью и всерьез ничего из существующих религиозных учений, то есть исповедует в этом вопросе по существу дела нигилизм.

В своих беседах с журналистами, а также и в эссе Бродский упоминает те же имена, которые зазвучат после его смерти в стихотворении Хини «Оденское». Нередко в интервью Бродский вспоминает о Данте, притом иногда и в соседстве с Гильгамешем: «Думаю, никто не имеет права прикасаться к бумаге до того, как прочтет «Гильгамеш». (...) То же относится к Гомеру и Данте» (Verch 16). Вспоминая о встречах с Р.Лоуэллом, Бродский замечает: «Впервые после России я смог осмысленно поговорить с настоящим знатоком Данте. Лоуэлл его знал вдоль и поперек, был на нем просто помешан. Выше всего он ставил «Ад». (...) Во всяком случае, «Ад» был в наших беседах на первом плане» (Birkerts 23). Совершенно очевидно, что в контексте этих высказываний *Божественная комедия* и *Эпос о Гильгамеше* предстают единственно как объекты эстетических чувств и, возможно, каких-либо теоретико-эстетических выкладок. Дантовский «Ад» лишается в таком ключе изначально заложенного в нем духовного напряжения и религиозного пламени. Поиски Гильгамешем бессмертия также – это всего лишь интересные сюжетные ходы древнешумерских сочинителей.

В то время как в стихотворении Хини дантовский «Ад» в его ледяном измерении и «dust-cakes» Гильгамеша отнюдь не только литературные аллюзии. Поэт ставит в финале глобальную духовную проблему наполнения веры и ее истинности. Псевдовера с поклонением новому идолу – языку терпит крах и не может его не потерпеть перед явлением смерти. Она не дает ответа на вопрос о том, что его ожидает за таинственной завесой кончины.

Жажда бессмертия и острое ощущение бренности человека в *Эпосе о Гильгамеше*, идея неизбежной ответственности смертного за грехи в дантовском «Аду» – все это органично вписывается в парадигму именно

христианской метафизики. И в этой связи значимо живое беспокойство Хини об утрате в английской поэзии религиозного звучания, которое он высказал на круглом столе английских поэтов в июне 1988 года в Дублине. В числе участников встречи был и Бродский. На встрече Майкл Шмидт высказал мысль о религиозном измерении настоящей поэзии. Эту идею живо подхватил Хини, потому что она его, по-видимому, дано и серьезно волновала:

Два дня назад на писательской конференции в Дублине израильский поэт Иегуда Амихай говорил почти о том же самом. (...) По его убеждению, поэт должен расти в семье верующих, где строго соблюдаются религиозные предписания, где ум ребенка насыщается языком, и у него выстраивается определенное мировосприятие, в котором есть место вечным истинам и ценностям. А потом – он не сказал этого, но я могу предположительно развить его мысль – с этим ребенком, в которого укупорена некая система ценностей, случится то же, что случилось со всеми нами. Пробка вылетит, произойдет секуляризация, состоится его ускоренное вхождение в современный мир, и наступит третья стадия, когда он задумается: «Я чувствую себя опустошенным. Что это? Как мне быть?» На мой взгляд, вопрос о том, как обрести такое состояние, когда душа радуется, как найти опору в пустоте, как создать форму, соответствующую действительности, — это вопрос скорее религиозный. (Mej 91)

Очевидно, что это путь, которым прошел сам поэт: детство в ортодоксальном католическом духе, отход от прежних воззрений при взрослении и новый поиск почвы под ногами на переходе к старости. И это наболевшая для Хини проблема обретения высшего смысла бытия, решение которой он полагает исключительно в системе религиозных координат.

Иную позицию при обсуждении этого вопроса занял его близкий друг Бродский. «**Бродский.** Первое обстоятельство: язык сам по себе есть вера. ‘В начале было слово’, — помните? Отсюда все начинается» (Mej 91). В контексте реплики Бродского знаменитое начало Евангелия от Иоанна переосмысливается в филологическом смысле, в то время как действительный смысл этого стиха совсем другой: разумеется, речь идет в Священном Писании не о человеческом слове, а о второй ипостаси Святой Троицы – Боге-Слове, Слове Бога Отца, Иисусе Христе. Иоанн Богослов для именованного Бога-Сына использует многозначное греческое «Логос», что означает здесь не слово в лингвистическом значении, а внутреннее существо Божие. Кроме того, нельзя оторвать начало стиха от его продолжения: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Не слово человека вне Бога, а Слово Бога и Само Бог, которым сотворено все сущее.

Перенос этой трансцендентной глубины в условную плоскость поэтической метафорики, филологическое обыгрывание начала евангельского текста характерно для секуляризованного сознания. Однако «кумирзация» языка есть идея-фикс именно Бродского.

Последнюю точку в духовном споре двух поэтов, хотя, быть может, при их жизни и заслоненном напряженным литературным общением, поставила смерть Бродского. Всплеск неутешной скорби, захвативший Хини, отверз эту черту, разделяющую их по отношению к Абсолюту. Именно поэтому крик горя и отчаяния поэта, потерявшего друга, в предпоследней строфе поэтического реквиема вскрыл их главный метафизический конфликт: отношение к человеческой жизни как к тупику конечности или как к бесконечно длящейся экзистенции в недрах божества, понимание смерти как небытия или как перехода в новую неисповедимую реальность.

Многогранный диалог автора эпитафии «Оденское» с Бродским как ее условным адресатом, перешагнувшем границу земного мира, раскрывает, с одной стороны, феерию яркого творческого общения двух поэтов в земной реальности, а с другой, – мистический ужас конца в неотмирной испостаси, кончины человека, перед которым, подобно Данте как персонажу «Божественной комедии» и Гильгамешу, главному герою эпоса древних шумеров, разверзаются бездны загробного существования. Образная символика, ритмическая организация стихотворения, интонационные сломы усиливают мотив перехода настроения горя и тоски от утраты близкого человека в трепет перед тайной смерти, неминуемо пожирающей все земное. Смена эмоциональных регистров демонстрирует горячую привязанность автора к другу и собрату по перу, их душевную близость и в то же время выявляет мировоззренческую разделенность поэтов по главной онтологической черте: отношения к Абсолюту. Смерть Бродского аннулирует фетиш поэта, поклоняющегося слову как божеству, и одновременно самого автора вновь возвращает к истокам трансцендентных истин религиозной догматики христианства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Alig'yeri, Dante. *Bozhestvennaya komediya*. Khudozhestvennaya literatura, 1967 [Алигьери, Данте. Божественная комедия. Художественная литература, 1967].
- Berch, Eva, i Devid Chin. «Zhurnal 'Columbia. A Magazine of Poetry & Prose', vesna – leto 1980 goda. Poeziya – luchshaya shkola neuverennosti. Interv'yu s Iosifom Brodskim.» *Iosif Brodskiy. Bol'shaya kniga interv'yu*, sost. Valentina Polukhina. Izd. 5-ye, Zakharov, 2010 [Берч, Ева, и Дэвид Чин. «Журнал 'Columbia. A Magazine of Poetry & Prose',

- весна – лето 1980 года. Поэзия – лучшая школа неуверенности. Интервью с Иосифом Бродским». *Иосиф Бродский. Большая книга интервью*, сост. Валентина Полухина. Изд. 5-е, Захаров, 2010], litrus.net/book/read/5343/Iosif_Brodskij_Bolshaja_kniga_intervju?p=1. Доступ 27.10.2018.
- Betea, Devid. «Naglaya propoved' idealizma. Interv'yu s Iosifom Brodskim.» *Iosif Brodskiy. Bol'shaya kniga interv'yu*, sost. Valentina Polukhina. Izd. 5-ye, Zakharov, 2010 [Бетеа, Дэвид. «Наглая проповедь идеализма. Интервью с Иосифом Бродским.» *Иосиф Бродский. Большая книга интервью*, сост. Валентина Полухина. Изд. 5-е, Захаров, 2010], litrus.net/book/read/5343/Iosif_Brodskij_Bolshaja_kniga_intervju?p=1. Доступ 28.10.2018.
- Birkerts, Sven. «Iskusstvo poezii. Interv'yu s Iosifom Brodskim. Zhurnal 'Paris Review', № 83, 1982 god». *Iosif Brodskiy. Bol'shaya kniga interv'yu*, sost. Valentina Polukhina. Izd. 5-ye, Zakharov, 2010 [Биркерте, Свен. «Искусство поэзии. Интервью с Иосифом Бродским. Журнал 'Paris Review', № 83, 1982 год». *Иосиф Бродский. Большая книга интервью*, сост. Валентина Полухина. Изд. 5-е, Захаров, 2010], litrus.net/book/read/5343/Iosif_Brodskij_Bolshaja_kniga_intervju?p=1. Доступ 12.11.2018.
- Bramm, Ann-Mari. «Zhurnal 'Mosaic. A Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas', VIII/1, osen' 1974 goda. Muza v izgnanii. Interv'yu s Iosifom Brodskim.» *Iosif Brodskiy. Bol'shaya kniga interv'yu*, sost. Valentina Polukhina. Izd. 5-ye, Zakharov, 2010 [Брамм, Анн-Мари. «Журнал 'Mosaic. A Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas', VIII/1, осень 1974 года. Муза в изгнании. Интервью с Иосифом Бродским.» *Иосиф Бродский. Большая книга интервью*, сост. Валентина Полухина. Изд. 5-е, Захаров, 2010], litrus.net/book/read/5343/Iosif_Brodskij_Bolshaja_kniga_intervju?p=1. Доступ 12.11.2018.
- Epel'buen, Anni. «Yevropeyskiy vozdukh nad Rossiyey. Interv'yu s Iosifom Brodskim. Zhurnal 'Strannik', vypusk pervyy, 1991 god». *Iosif Brodskiy. Bol'shaya kniga interv'yu*, sost. Valentina Polukhina. Izd. 5-ye, Zakharov, 2010 [Эпельбуэн, Анни. «Европейский воздух над Россией. Интервью с Иосифом Бродским. Журнал 'Странник', выпуск первый, 1991 год». *Иосиф Бродский. Большая книга интервью*, сост. Валентина Полухина. Изд. 5-е, Захаров, 2010], rus.net/book/read/5343/Iosif_Brodskij_Bolshaja_kniga_intervju?p=1. Доступ 09.10.2018.
- Epos o Gil'gameshe (O vso vidavshem)*. Seriya: Literaturnyye pamyatniki, per. s akkadskogo I.M. D'yakonova. AN SSSR, 1961 [*Эпос о Гильгамеше (О всё издавшем)*. Серия *Литературные памятники*, пер. с аккадского И.М. Дьяконова. АН СССР, 1961].
- Khini, Sheymas [Heaney, Seamus]. «Brodskiy napominal dikoye zhivotnoye...». Interv'yu. *Knizhnoye obozreniye*. 24 iyunya 2003 2003 [Хини, Шимус. «Бродский напоминал дикое животное...». Интервью. *Книжное обозрение*. 24 июня 2003], www.noblit.ru/node/1240/. Доступ 23.07.2018.
- Khini, S[heymas] [Heaney, S[eamus]]. «Brodskiy byl pokhozhd na samolet s vertikal'nym vzletom...» *Kul'tura*, no. 25. (7384), 2003 [Хини, Ш[имус]. «Бродский был похож на самолет с вертикальным взлетом...» *Культура*, №25. (7384), 2003], noblit.ru/node/1471. Доступ 23.07.2018.
- Heaney, Seamus. *Electric Light*. Farras, Straus & Giroux, 2001.
- Khini, Sheymas [Heaney, Seamus]. «Pesneslagatel'». *Chur moyo. Izbrannyye esse i stikhotvoreniya*. Tekst, 2007 [Хини, Шимус. «Песнеслагатель». *Чур моё. Избранные эссе и стихотворения*. Текст, 2007].

- Izmaylov, Ruslan Raviilovich. *Khronos i Topos: Poeticheskiy mir I. Brodskogo*. Saratov, 2010 [Измайлов, Руслан Равилович. *Хронос и Топос: Поэтический мир И. Бродского*. Саратов, 2010].
- Meу, Dzhulian «Zhurnal 'R.N.Review', № 4, 1988 god. Poety za kruglym stolom. Interv'y u s Iosifom Brodskim». *Iosif Brodskiy. Bol'shaya kniga interv'y u*, sost. Valentina Polukhina. Izd. 5-ye, Zakharov, 2010 [Мей, Джулиан «Журнал 'P.N.Review', № 4, 1988 год. Поэты за круглым столом. Интервью с Иосифом Бродским». *Иосиф Бродский. Большая книга интервью*, сост. Валентина Полухина. Изд. 5-е, Захаров, 2010], litrus.net/book/read/5343/Iosif_Brodskij_Bolshaja_kniga_interv'y u?p=1. Доступ 06. 10.2018.
- O'Driscoll, Dennis. *Stepping Stones. Interviews with Seamus Heaney*. Faber and Faber, 2009.
- Oppenkhейm, Adolf Leo. *Drevnyaya Mesopotamiya. Portret pogibshey tsivilizatsii*. Nauka, 1990 [Оппенхейм, Адольф Лео. *Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации*. Наука, 1990].
- Polukhina, Valentina, sost. «Redkaya nezavisimost'. Interv'y u s Ol'goy Sedakovoy. 25 noyabrya 1989 goda, Glazgo». *Brodskiy glazami sovremennikov* [Полухина, Валентина, сост. «Редкая независимость. Интервью с Ольгой Седаковой. 25 ноября 1989 года, Глазго». *Бродский глазами современников*], www.booksonline.com.ua/view.php?book=111247. Доступ 07.10.2018.
- Polukhina, Valentina., sost. «Interv'y u 30 marta 2004, London». *Iosif Brodskiy glazami sovremennikov (1995-2006)*. SPb., 2006 [Полухина, Валентина, сост. «Интервью 30 марта 2004, Лондон». *Иосиф Бродский глазами современников (1995-2006)*. СПб., 2006].
- Shevelev, Igor. «V rifmu mozhno byt' dazhe mogil'ny m kamnem. Interv'y u s Sheymasom Khini». *Vremya MN*, 20 iyunya 2003 [Шевелев, Игор. «В рифму можно быть даже могильным камнем. Интервью с Шеймасом Хини». *Время МН*, 20 июня 2003], www.god.dvoinik.ru/knugol/hini.htm. Доступ 12.08.2019.

ШЕЙМАС ХИНИ И ИОСИФ БРОДСКИЙ:
МЕТАФИЗИКА СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Резюме

В статье анализируется стихотворение Шеймаса Хини «Оденское», посвященное памяти Иосифа Бродского, в которой автор в трансцендентном ключе обращается к проблеме смерти. Реминисценции из *Божественной комедии* Данте и древнешумерского *Эпоса о Гильгамеше* придают тексту произведения метафизическую глубину и позволяют ставить «вечные» вопросы о посмертной участи человека и бессмертии. Вопреки собственному секуляризованному сознанию зрелых лет Хини, католик по воспитанию, видит решение проблемы высшего смысла бытия в системе религиозных координат. В стихотворении он утверждает несостоятельность перед лицом смерти характерной для Бродского «идолизации» языка, когда язык замещает Бога и предстает как основа всего сущего. На основе материалов интервью, высказываний, воспоминаний Хини и Бродского рассматриваются позиции двух поэтов по отношению к сфере духовной жизни: трудный путь религиозных исканий Хини, интуитивную укорененность ирландского поэта в христианской традиции и метафизический нигилизм Бродского, отрицающего свою отчетливую принадлежность к какой-либо системе религиозных представлений. В стихотворении «Оденское» через смену эмоциональных регистров и интертекстуальные связи Хини до предела заостряет

неявный при жизни Бродского, но остро вспыхнувший в сознании ирландского поэта после смерти друга метафизический конфликт, разрешение которого, по мысли поэта, возможно лишь в контексте высших духовных смыслов.

Ключевые слова: И. Бродский; Ш. Хини; *Оденское*; Данте; Гильгамеш, «идолизация» языка; метафизика смерти; христианство.

SEAMUS HEANEY I JOSIF BRODSKI: METAFIZYKA ŚMIERCI W KONTEKŚCIE TRADYCJI CHRZEŚCIJAŃSKIEJ

Streszczenie

W artykule analizie poddano poemat Seamusa Heaneya „Audenesque” [W stylu Audena], poświęcony pamięci Josifa Brodskiego. Autor przedstawia problem śmierci w kluczu transcendentnej. Reminiscencje z *Boskiej komedii* Dantego i starosumeryjskiego *Eposu o Gilgameszu* nadają tekstowi utworu metafizyczną głębię i pozwalają stawiać „odwieczne pytania” o pośmiertne losy człowieka oraz nieśmiertelność. Wbrew własnej sekularnej świadomości lat dojrzałych Heaney, wychowany jako katolik, widzi rozstrzygnięcie problemu wyższego sensu bytu w systemie wskazań religijnych. W utworze stwierdza, że charakterystyczna dla Brodskiego „idolizacja” języka, kiedy język zamienia Boga i stanowi podstawę wszystkiego, co istnieje, jest niepewna. Na podstawie materiałów, wypowiedzi i wspomnień Heaneya oraz Brodskiego jest badany stosunek przedmiotowych poetów do duchowej sfery życia: trudna droga poszukiwań religijnych Heaneya, intuicyjne zakorzenienie irlandzkiego poety w tradycji chrześcijańskiej i metafizyczny nihilizm Brodskiego, odrzucającego jednoznaczną przynależność do jakiegokolwiek systemu wyobrażeń religijnych. W wierszu „Audenesque” [W stylu Audena] poprzez zmianę rejestru emocjonalnego i odniesienia intelektualne Heaney wyraziście uwydatnia nieujawniony za życia Brodskiego, ale ostro przejawiający się w świadomości irlandzkiego poety po śmierci przyjaciela konflikt metafizyczny, którego rozwiązanie jest możliwe jedynie w kontekście wyższych sensów religijnych.

Słowa kluczowe: Joseph Brodsky; Seamus Heaney; „Audenesque” [W stylu Audena]; Dante, Gilgamesz; „idolizacja” języka; metafizyka śmierci; chrześcijaństwo.

SEAMUS HEANEY AND JOSEPH BRODSKY: THE METAPHYSICS OF DEATH IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIAN TRADITION

Summary

This article analyses the poem “Audenesque” by Seamus Heaney, dedicated to the memory of Joseph Brodsky. The poem addresses the phenomenon of death in a transcendental way. Reminiscences from Dante’s *Divine Comedy* and the ancient Sumerian epic of Gilgamesh give the text of the poem a metaphysical depth and allow us to pose those eternal questions about the posthumous fate of man and immortality. Contrary to the secularised outlook of his middle years, Heaney, a Catholic by upbringing, sees the solution to the problem of the ultimate meaning of being in the system of religious indications. In the poem, Heaney asserts the failure of language in the face of death, which is a characteristic of Brodsky’s “idolisation”, namely, when language replaces God and appears as the basis of all that exists. Drawing upon interviews, memoirs and statements by Heaney and Brodsky, the authors of the article reflect on the poets’ attitudes

towards the spiritual life: Heaney's religious searches, his profound intuitive rootedness in the Christian tradition, and Brodsky's metaphysical nihilism, denying his belonging to any religion. In "Audenesque", through the change of emotional registers and intertextual references, Heaney sharpens the metaphysical conflict. This conflict, which was implicit during Brodsky's life, flared up in Heaney's consciousness after his friend's death. Heaney is certain that only in the context of ultimate spiritual meanings can the solution to this conflict be found.

Keywords: Joseph Brodsky; Seamus Heaney; "Audenesque"; Dante; Gilgamesh; "idolisation" of language; metaphysics of death; Christianity.